

Beata Trojanowska

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego

**НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КАТЕГОРИИ ЭТНИЧНОСТИ
В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ
(НА ОСНОВАНИИ РОМАНА МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ
ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ)**

**A Few Words About the Category of Ethnicity in the Literary Text
(Based on Ludmila Ulickaya's Novel *Medea and her Children*)**

ABSTRACT: The article is a discourse in the field of literary studies, in which is presented an ethnicity category of Crimea population, based on the novel *Medea and her children* by L. Ulicka. The author combines literary text with ethnosociology to demonstrate the ethnic phenomenon presented in the literature. There are subject to the same social transformations as in the real world. The Russian reserchers: Jurij Arutnian and Ludmila Drobizheva formulated the theoretical determinants of ethnic consciousness, such as, ancestral, psychological, cultural and social which appear in this novel. The dominant factor in the Ulicka's novel which formulates a sense of ethnic diversity is a cultural factor, although in the novel, the writer shows the complexity of the relationship in a large period of time, starting with Russia and ending with the Soviet Union.

KEYWORDS: category of ethnicity, literary text, the Crimea of population, novel by Ludmila Ulickaya

*Я Крым очень люблю [...]. В Крыму жило больше тридцати народов, и даже перечислять их долго. Там жили русские и украинцы, болгары, греки, татары, караимы, евреи, немцы... Сталинская национальная политика привела к дикому уничтожению и истреблению такого мультикультурного региона. Это слово сейчас стало немодным, но я не могу подобрать здесь другое, потому что это действительно было место, где было очень много разнообразных культур, и они довольно мирно сосуществовали [...]*¹.

Людмила Улицкая

¹ Это отрывок интервью Людмилы Улицкой взят Катериной Сергацковой для украинской газеты „Жизнь”, помещенный в статье: Людмила Улицкая, «Не думаю, что Крым под Россией»

Приведенные выше слова писательницы, касающиеся ее мнений насчет прошлой судьбы жителей Крыма, обогащены к тому же опытом личных соотношений с местными людьми и воспоминанием любимых мест детства, подчеркивают близость крымской темы в жизни Людмилы Улицкой. Поэтому как бы совсем естественно эта «крымская» проблематика проливается в ее творчество. Интереснейший образ Крыма² и его населения показан писательницей в романе *Медея и ее дети* (1996). К тому же стоит добавить, что крымская земля сквозь призму приведенного выше литературного текста, с уклоном на его мифологические корни, а также историко-философское осмысление, содержит в себе богатую символику. Крым – центр Средиземноморья, родина цивилизации и «универсальная парадигма бытия»³. Такой именно контекст позволит нам в более крупном плане выявить существенные вопросы, находящиеся на грани литературы и этносоциологии в романе Улицкой *Медея и ее дети*. Так как целью данной статьи является попытка показать специфику реализации категории этничности в рамках романа Улицкой, мы делаем лишь намеки на мифологическое толкование романа, который достаточно разработан литературной критикой⁴. Данную тему мы хотим представить в форме литературного дискурса, в котором будем воспринимать этнические вопросы как явления внутрилитературные⁵, которые могут стать объектом заинтересования культурной поэтики и являться одновременно доказательством связи реальной жизни с этносоциологией, предметом исследования которой является

[...] изучение социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды⁶.

будет процветать» от 29.04.2014, [https:// http://life.pravda.com.ua/person/2014/04/29/165498/view_print/](https://http://life.pravda.com.ua/person/2014/04/29/165498/view_print/) (26.11.2016).

² Крымская тема появляется также в романе Людмилы Улицкой *Лестница Якова* (2015).

³ Цитата взята из работы Н.А. Егоровой, *Проза Л. Улицкой 1980–2000-х годов: Проблематика и поэтика*, <http://dislib.ru/filologiya/7378-2-proza-ulickoy-1980-2000-h-godov-problematika-poetika.php> (30.12.2016).

⁴ Для примера: Н.А. Егорова, *Мифопоэтические образы в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети»*, [в:] того же, *Художественный текст и культура VI*: материалы Международной науч. конф. 6–7 окт. 2005 г. – Владимир: Владимирский государственный педагогический университет 2006, с. 332–36.

⁵ Такой подход к реализации вопросов этничности в рамках литературного текста дается, для примера, в статье Eugenii Prokop-Janiec, *Etniczność*, [в:] *Kulturowa Teoria Literatury. Główne pojęcia i problemy*, red. M.P. Markowski, R. Nycz, Kraków 2006, s. 417.

⁶ Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов, *Этносоциология*, Москва 1999, <http://www.studfiles.ru/preview/594188/> (26.11.2016).

Итак, объектом нашего внимания, идя следом как литературных, так и этносоциологических исследований, будут личности, т.е. литературные персонажи, являющиеся одновременно представителями разных этнических групп, образующих крымское население в целом. Во-первых, стоит представить главную героиню романа *Медея и ее дети* Улицкой – заглавную Медею, которая почти всю свою жизнь проживает в Крыму. Это именно ее образ является ключевым в рассмотрении интересующего нас вопроса. Конечно, есть и другие герои этого произведения, так или иначе связанные с этим местом. Ее родня, которая приезжает на Верхний Поселок каждого года в апреле по составленному хозяйкой графику, затем живущие рядом русские соседи: Ада и Михаил Кравчуки, Шура Городовикова – партийная начальница, Петька Шевчук – сын здешнего рыбака и семья татарина Равиля Юсупова, умерший муж Медеи, еврей по происхождению – Самуил Мендес. Все они создают богатую панораму крымского населения, обладающего признаком многонациональности и поликультурности. Таким образом проблема показать писательницей аспект национального самосознания и этнической неоднородности крымских жителей становится очень интересной, потому что она также соединяет литературу с вопросами этносоциологии, психологии личности, истории и социальной психологии в географически определенном месте. К тому же под понятием «национального самосознания» мы будем подразумевать «осознание людьми своей принадлежности к определенной социально-этнической общности и ее положения в системе общественных отношений»⁷. Национальное самосознание может проявляться в «идеях, взглядах, мнениях, чувствах, эмоциях, настроениях и выражает содержание, уровень и особенности представлений членов нации о своей определенной идентичности и отличии от представителей других общностей»⁸. Как вытекает из характеристики данного определения, истоки национального самосознания органически связаны с этничностью и, как подчеркивает этносоциолог Людмила Дробизева:

В структуру национального самосознания входят представления о территории проживания этноса и о государственности, если таковая имеется. Все эти представления эмоционально окрашены, вызывают определенные чувства людей (гордость, любопытство, скорбь о потерянном и т.д.)⁹.

⁷ На основании: *Этнопсихологический словарь*, ред. В.Т. Крысько, Москва 1999, <http://ethnopsychology.academic.ru/240/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5> (22.08.2016).

⁸ Там же.

⁹ Л.М. Дробизева, *Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика*, [в:] *Национальные процессы сегодня*, 1991, http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1991/Drobizheva_1991_1.pdf (22.08.2016).

Ссылаясь на этнические характеристики избранных персонажей романа *Медея и ее дети*, постараемся выявить функционирование механизмов и процессов, наблюдаемых этносоциологией в реальном мире, в данном случае – в рамках художественного текста, который, как помним, обладает признаком фиктивности, но создает иллюзорность правдоподобия. В романе *Медея и ее дети* Крым представлен как особое место сочетаемости разных национальностей и разных культур. Причем крымские берега вблизи Севастополя даны сквозь призму исторических перемен, запечатленных в памяти его жителей. Они подвергаются общей динамике, прежде всего находясь в кругу социально-культурных и политических перемен досоветского и советского времени. Юрий Арутюнян¹⁰ – историк и социолог, выделяет четыре «этнических» источника, которые играют значительную роль в формировании национального сознания. Среди них он называет: родовой (связанный с происхождением), психологический, культурный (проявляющийся особо в искусстве, литературе, фольклоре, семейных и бытовых нормах), а также социальный (выражающийся стремлением к активизации своего народа и собственных социальных ролей). Мы постараемся доказать, что описываемые Арутюняном процессы динамики развития национального самосознания можно также наблюдать и в области литературы, а в данном случае – найти их в романе *Медея и ее дети* Людмилы Улицкой, но в модифицированной форме. При этом попытаемся ответить на вопрос, какой из этноисточников становится доминантой в ощущении национального самосознания персонажей произведения, которые одновременно являются представителями конкретных наций.

Конечно в произведении больше места уделяется самой Медее – как представительнице таврических¹¹ греков, которая: „[...] осталась последней чистопородной гречанкой в семье, поселившейся в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах”¹².

Стоит добавить, что Медея Мендес родом была из Феодосии, города, в котором население греков в XIX веке было довольно большое, только потом в результате политико-исторических перемен значительно уменьшилось. Ее

¹⁰ Ю.В. Арутюнян, *Социально-культурное и национальное развитие и национальное самосознание*, 1990, escoman.hsr.ru/data/605/990/1219/5-Arutyunyan.pdf (8.09.2016).

¹¹ Термин «таврические» греки связан с местом их жизни – Тавридой. Это было историческое название древнего и средневекового Крымского полуострова. Термин «Таврида» введен официально в российскую историю после присоединения Крыма к России в 1783 году, хотя само понятие имеет легендарное происхождение, которое берет свое начало от татар, [в:] *Энциклопедический словарь*, под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона, Санкт-Петербург 1890–1907, http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/98958/%D0%A2%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0 (13.09.2016).

¹² Л. Улицкая, *Медея и ее дети*, Москва 2007, с. 9.

дед, Харламий Синопли в прошлом был богатым негоциантом, владельцем четырех торговых кораблей. Со временем обнищавший, Харламий не мог дождаться мужского потомка, сыновья рождались и умирали, но наконец от второй жены – Антонида остался при жизни только один сын Георгий. В романе Людмила Улицкая помещает в самом начале генеалогическое дерево Медеи, которое позволяет читателю разобраться в семейных связях и одновременно является свидетельством того, как важны для писательницы семейные, кровные связи. Родовой источник в формировании национального самосознания Медеи Мендес глубоко связан с биологией, а даже с генетической «передачей» определенных черт характера, начиная с родоначальника семьи, описываемого в романе – деда Харлампия:

Но кровь его оказалась сильной, не растворялась в других потомках, и те из его потомков, которых не перемолотило кровожадное время, унаследовали от него и крепость натуры, и талант, а всем известная его жадность в мужской линии проявлялась большой энергией и страстью к строительству, а у женщин – как у Медеи, оборочивалась бережливостью, повышенным вниманием к вещи и изворотливой практичностью¹³.

В приведенной выше цитате стоит особо обратить внимание на два аспекта: во-первых, на «сохранение чистой крови» членами семьи, значит греческой нации в целом, а во-вторых, на появившийся намек о преследовании таврических греков, попытки их выселения из Крыма в разные исторические времена. Оболочка «биологическая» в романе *Медея и ее дети* проявляется и в наследовании укороченного дедова мизинца многими мальчиками в семье, затем способностью к ночному видению у женской части семьи, а также особым цветом волос Матильды Синопли, доставшимся в наследство и ее детям:

Материнский медный оттенок проявлялся так или иначе у всех, но только сама Медея и младший из братьев, Дмитрий, были радикально рыжими. У Александры, по-домашнему – Сандрочки, волосы были сложного цвета красного дерева, даже с пламенем¹⁴.

Улицкая дает интереснейшую характеристику греческой семьи, отличающейся особым многоплодием, и в этом образе дает как бы представление о всем греческом населении в Крыму в описываемое время на фоне сложных общественных явлений. Медея и ее родня, выделяющиеся даже зрительно и по

¹³ Там же, с. 13.

¹⁴ Там же, с. 13.

характеру определенными чертами и способностями, объединены в романе по своему роду и племени, питаются сознанием общности происхождения, следовательно составляют особую группу, представительную для своей этнической среды – таврических греков, которые разбежались не только по всей стране, но и оказались за ее пределами. К сожалению, на Медее эта чистая линия крымских греков заканчивается, но ее роль символична:

Медея выступает в романе как сакральный центр своей семьи, её скрепляющее начало. Она сама, а потом и память о ней, цементируют воедино всё разнородное семейство Синопли, всех их родственников – русских, литовских, грузинских, корейских и других. Символичны в этом плане вдовство и бездетность Медеи – судьба лишила её счастья собственного биологического родительства именно для того, чтобы она стала матерью для всех, кто в ней нуждается. Медея становится символом своей семьи, потомки её родных – это уже именно её потомки¹⁵.

В этом отношении стоит упомянуть и о происхождении самой девичьей фамилии Медеи. Как подчеркивает Камила Агаева¹⁶, фамилия Синопли имеет общие корни с городом Синопа, находящимся в центре южной части Причерноморья, образующего символическую границу между Европой и Азией. По той же причине можно ее в романе Улицкой понимать как элемент, соединяющий разные этносы, культуры и религии. В центре ведь этих процессов находится главная героиня романа – Медея Синопли, вокруг которой сосредотачиваются члены семьи. Это именно они вообразили уже в свои семьи людей многих других национальностей. Кроме греков стоит здесь перечислить и евреев, русских, армян, литовцев, грузин, корейцев, итальянцев¹⁷. Предметным элементом пространства дополнительно обогащающим этот «родовой» источник семейного объединения поколений является хотя бы дверная коробка *по бокам вся иссечена многочисленными зарубками – дети метили рост*¹⁸, которая является свидетельством близких семейных связей. При этом важным лицом в семейных планах Медеи является ее племянник Георгий, который сильно привязан к ней, родной земле и семейным корням. После смерти Медеи это именно он

¹⁵ К.Ш. Агаева, *Символика антропонимов в романе Л. Улицкой «Медея и её дети»*, [в:] *Филология и лингвистика в современном обществе: Материалы III международной научной конференции* (г. Москва, ноябрь 2014 г.), Москва 2014, с. 21–23.

¹⁶ К.Ш. Агаева, *Символика антропонимов...*, с. 21–23.

¹⁷ Родственники Медеи живут в разных местах: сестры Анеля и Настя в Грузии; сестра Александра в Москве, брат Дмитрий в Литве, второй брат Платон в Испании, а третий брат Афанасий в Греции.

¹⁸ Л. Улицкая, *Медея и её дети*, с. 21.

строит на земле предков дом и тем самым продолжает линию Синопли в Крыму. Его имя, обозначающее «земледелец¹⁹», и дополнительно профессия геолога еще сильнее подчеркивают его любовь и уважение к родной земле.

Родовой источник национального самосознания в случае Медеи и ее родственников сильно связан с психологическим источником. Во время чтения романа читатель убеждается в том, что между членами семьи ощущаются сильные эмоциональные связи, заботливость друг о друге, общность духовных идеалов. Медея также хранительница христианской веры, так как ей „[...] было нетрудно встать в воскресенье до света, отмахать двадцать верст до Феодосии, отстоять там обедню и вернуться домой к вечеру”²⁰.

В этой краткой цитате содержится суть верования Медеи, которая готова каждое воскресенье отправиться в церковь на Божественную литургию, совершаемую в первую половину дня, не думая об усталости и трудах долгого пути в Феодосию. Христианство становится элементом духовного наследия героини, а участие в обедне в праздничные дни почти машинальным, обычным и необходимым действием. Важную роль играет также мотивация главной героини, целью которой становится сохранение крымской усадьбы для родных, быть с ними в близком контакте. С психологической точки зрения внимания заслуживает и память Медеи, сохраняющая сложное прошлое не только греков, но и других наций, с которыми пришлось жить Медее в Крыму. Напомним, что за всю свою жизнь она уезжала оттуда дважды, всего лишь на шесть недель. Медея живет в гармонии с жителями Крыма, представителями других наций. Подтверждение этого тезиса находим в описываемом в романе визите в Медеином доме Равиля Юсупова, татарина, участника движения за возвращение татар в Крым. Это именно потому своих бывших соседей татар Медея описывает сложную прошлую жизнь крымского населения и, как подчеркивает героиня романа: *Память у меня, слава Богу, еще хорошая, все держит*²¹.

Психологический источник национального самосознания ярко сочетается также с социальным и культурным. В случае социальных связей Медея выполняет среди крымского населения «представительную» роль, становясь для местных «частью пейзажа». Она работает у регистрационного окошка поселковой больницы, помогая всем, кто нуждается в помощи. Притом ее толерантность к другим верованиям и чужим, иногда непонятным для нее, взглядам независима от его нации. Медея открывается на несчастья и жизненные трагедии ближнего. Это видно хотя бы в задушевном контакте с татаринцем Равилем Юсу-

¹⁹ А.В. Суперанская, *Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание*, Москва 2005, с. 75.

²⁰ Л. Улицкая, *Медея и ее дети...*, с. 10.

²¹ Там же, с. 17.

повым, которого она видела впервые в жизни. Восстанавливая историю здешних татар, она активизирует в Равиле желание поселиться на земле предков.

Но самым важным в романе Улицкой стимулом, влияющим на формирование национального сознания, является культурный источник. Причем первая «культурная» ассоциация имеет мифологические коннотации. Имя Медеи Мендес можно легко отнести к древнегреческому мифу о Мееде и аргонавте Ясоне. В нем Медея является колхидской царевной, волшебницей и ревнивой женщиной, готовой убить всех, стоящих на пути к ее любви. Улицкая в романе переворачивает этот миф наизнанку, в результате чего ее героиня сохраняет некие черты наружности своей мифической предшественницы такие как: высокая статная фигура²², горделивая осанка, густые волосы. Ее «античность» вписывается также в характер одежды:

Черная шаль не по-русски и не по-деревенски обвивала ее голову и была завязана двумя длинными узлами [...] Длинный конец шали мелкими античными складками свешивался на плечи и прикрывал морщинистую шею²³.

Следующий «древний» акцент проявляется также в самом имени Медея, которое:

имеет греческое происхождение и означает «мидийка», то есть жительница Мидии, исторической области на Ближнем Востоке. Существуют и другие толкования этого имени, согласно которым оно означает «хитрая» либо «моя богиня»²⁴.

Мифичность «литературной» Медеи обнаруживаем в основном на уровне описания ее внешности, зато сильной трансформации и семантическим изгибам в отношении к мифическому прототипу поддает писательница характер и способ поведения Медеи Мендес, в чем особо обнаруживается новое осмысление первообраза. Для примера, Улицкая иначе воссоздает аспект волшебности мифической Медеи. Это правда, что Медея Мендес собирает лечебные травы, обладает умением их применять в зависимости от болезни, выполняет как бы охранительную функцию античной волшебницы, но лично не верит в роковое стечение обстоятельств:

²² Характеристику Медеи приводим, ссылаясь на работу Татьяны Скоковой, *Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе «Медея и ее дети», «Педагогика и психология». «Филология и искусствоведение» 5 (7), Оренбургский государственный педагогический университет, 2009, с. 1317.*

²³ Л. Улицкая, *Медея и ее дети*, с. 10.

²⁴ К.Ш. Агаева, *Символика антропонимов...*, с. 21–23.

Медея не верила в случайность, хотя жизнь ее была полна многозначительных встреч, странных совпадений и точно подогнанных неожиданностей²⁵.

Стоит отметить и тот факт, что Медея Улицкой способна видеть ночью и у нее есть дар «всеведения»²⁶. Притом, как замечает Татьяна Скокова, она живет как и древние боги, в «единстве и гармонии с природой»²⁷, точно по календарным срокам. Следовательно культурный источник национального самосознания Медеи в романе Улицкой содержит в себе мифическое начало, но важную роль выполняет и сам язык. Медея остается последней в семье, которая сохранила в памяти греческий язык. Этот языковой аспект становится важным элементом культурного этноисточника в романе Улицкой, в котором сохраняются отдельные греческие слова: катарисма (прачечная), метафорисис (перевозка), но, по-моему, словом-ключом, которое вписывается в архетип Медеиного дома, является слово «трапеза»²⁸, означающее стол. Напомним, что именно у него собираются каждого дня взрослые родственники, чтобы побыть вместе с Медеей, у него Медея угощает вином Равиля Юсупова и, наконец, сидит и дремлет. Медеинова «трапеза» в пространственном мире романа становится предметным знаком, сочетающим в себе все этноисточники: родовой: физическая близость родни, социальный: близость к человеку другой нации – хотя бы к татарину Равилю Юсупову, культурный: ночные разговоры за трапезой и кушание, наконец, и психологический: особые эмоции и намерения «Медеиных детей», появляющиеся от близкого контакта с ней: *Каждый из племянников любил пожить вдвоем с Медеей*²⁹.

Подводя итоги наших наблюдений, можно прийти к выводу, что в Медее Мендес, главной героине романа Улицкой, обнаруживаем гармоническое функционирование всех четырех этноисточников, названных ранее Арутюняном. Они так сильно связаны друг с другом, что трудно их разделить, приводя отдельные литературные иллюстрации. Но доминирующим, на наш взгляд, является культурный источник, основой которого является мифологическое самосознание героини, цель которой содержится в том, чтобы «привести все к порядку, цельности и благополучию»³⁰, имея в виду и совместную, мирную жизнь представителей разных наций в Крыму. И в данном случае мы затрагиваем существенный вопрос о проникновении и сочетании культурного на-

²⁵ Л. Улицкая, *Медея и ее дети*, с. 15.

²⁶ Т. Скокова, *Интертекстуальность...*, с. 1317.

²⁷ Там же.

²⁸ Слово «трапеза» появляется и в других произведениях Улицкой, нр., в рассказе *Счастливые*, [в:] *Бедные родственники*, Москва 2008, с. 8.

²⁹ Л. Улицкая, *Медея и ее дети*, с. 30.

³⁰ Т. Скокова, *Интертекстуальность...*, с. 1318.

следея жителей Крыма. Символической в этом отношении становится могила мужа Медеи – еврея Самуила Мендеса, на цоколе которой, кроме надгробной надписи, помещается прицепленная жениной рукой звезда с выкрашенным серебрянкой острием, на которое она была насажена

[...] отчего та приобрела шестой, перевернутый луч и напоминала рождественскую, как ее изображали на старинных открытках, а также наводила и на другие ассоциации³¹.

Таким образом, звезда на могиле Самуила Мендеса, считавшегося революционным бойцом, соединила разные культурные ее восприятия. Во-первых, если декодировать ее как звезду с пятью лучами – она означает большевистскую, но с другой стороны, если добавить шестой луч – и Вифлеемскую, можно ее назвать также бесконечным узлом или печатью Соломона, причем два треугольника обозначают борьбу двух противоположных начал в человеке – духа и материи³². Притом шестиконечная звезда носит название звезды Давида³³ и характерна для еврейской традиции, а ведь муж Медеи – Самуил Мендес был еврейского происхождения. Интересно, что на первый взгляд «атеистическая» звезда на могиле содержит в себе столько разных религиозных начал, ощутимых их носителями – крымскими жителями. Есть еще одна важная нация в осмыслении Крыма в романе – татары. Надо здесь вспомнить, что после свадьбы Медея Мендес из жилья деда, «Харламбиева дома», в Феодосии переезжает в старую татарскую усадьбу на самом краю Верхнего Поселка. И в данном случае татарская «основа» обогащается Медеиными и Самуиловыми постройками и оборудованностями, в результате чего возникает дом, наполненный разным культурным прошлым, становясь одновременно символом сложной истории наций, живших на крымской земле.

Несомненно главная героиня романа Улицкой – гречанка Медея Мендес сохраняет в себе национальное самосознание, а его источники: родовой, психологический, социальный и особенно культурный сильно ощутимы в ее жизни. Притом Людмила Улицкая в своем произведении, обращаясь к истории Тавриды, указывает также на особый культурный симбиоз крымских жителей, толерантность и уважение к человеку другой нации, каким обладает хотя бы ее героиня Медея. В романе ставится акцент на проникновение разных культурных истоков. Писательница делает при этом намеки на разрушительные деяния советского государства, целью которых был распад многонационально-

³¹ Л. Улицкая, *Медея и ее дети...*, с. 25.

³² *Энциклопедия символов*, под ред. Е.Я. Шейниной, Москва 2001, с. 9.

³³ Там же.

го симбиоза крымского населения³⁴, создание атмосферы взаимной враждебности и опасности, идущих затем репрессий и принудительных переселений, особенно татар и евреев. В этот момент вопросы, касающиеся выявленных Улицкой в романе *Медея и ее дети* национальных аспектов, осмысления категории этничности крымскими жителями, становятся опять актуальными и сложными.

³⁴ В романе указывается на факт прибытия по указу государства в Крым, уже в послевоенные годы, переселенцев с Украины, с Северного Кавказа и из Сибири, которые, по словам Медеи, не понимали здешнего моря, которое она знала как «деревенский житель знает свой лес», [в:] Л. Улицкая, *Медея и ее дети...*, с. 78.